

УДК: [904:80]”6383”

А. П. Медведев

О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ НАЧАЛА СКИФСКОЙ ИСТОРИИ

В статье речь идет о проблеме соотношения литературных античных источников и данных археологии для воссоздания истории и культуры ранних скифов. Сразу оговорюсь, что проблему я понимаю не как задачу, вопрос, поставленный исследователем, а в изначальном значении этого греческого слова — как «препятствие», «преграду», «затруднение», выступающее на пути познания истины.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, киммерийцы, скифы, раннескифская история, античная литературная традиция, Геродот.

Взгляды автора на гносеологический потенциал разных видов источников излагались ранее (Медведев 2002, с. 154—167). Они во многом сложились не только в результате моей университетской подготовки в студенческие годы под руководством проф. А. И. Немировского, и не только под влиянием работ авторитетных отечественных археологов, занимавшихся этой проблемой (Л. С. Клейна, Д. С. Раевского и др.), но и как результат научной практики.

Древняя литературная традиция о Северном Причерноморье, несмотря иногда на ее эпическую, а то и мифологическую оболочку, содержит определенную информацию по событийной истории скифов и этногеографии Скифии. Появление письменных свидетельств качественно меняет ситуацию с источниками по истории Юга Восточной Европы, неизмеримо расширяет познавательные возможности скифологии по сравнению с археологией, например, предшествующей эпохи бронзы. Несмотря на то, что эти нарративы принадлежат к иной, нескифской традиции (ближневосточной, античной), они задают определенную систему имен, понятий, образов, более соответствующую культуре и языку самих скифов. Поэтому благодаря им история скифов становится не такой

«молчаливой», как прошлое многих их современников. Античная литературная традиция вкупе с богатыми и весьма реалистичным греко-скифским антропоморфным искусством давно сформировала те ставшие уже хрестоматийными образы скифов, которые нам запомнились со школьной скамьи. Не будь античной традиции, картина расселения племен в Скифии, воссоздаваемая только средствами современной археологии, выглядела бы иначе. А, скорее всего, её и вовсе не было бы, как нет, например, этногеографии срубной культурно-исторической общности эпохи поздней бронзы, археологически изученной не хуже скифской культуры раннего железного века. Поэтому мне не понятен скептический настрой некоторых современных скифологов и призыв отказаться от античной традиции, в том числе, от свидетельств Геродота, на том основании, что реалии раннескифской истории в чем-то не соответствуют его рассказу. Они настолько прочно вошли в фонд современной скифологии, что «скифскую» терминологию («скифы», «скифская архаика», «раннескифский период», «скифские памятники» и пр.) вынуждены употреблять даже сторонники радикального подхода к античным нарративным источникам (Маслов 2016, с. 162—163).

В то же время, не следует абсолютизировать информативный потенциал античной традиции о скифах. Время ее безусловной презумпции в скифологии давно прошло. Многие свидетельства Геродота и других греческих авторов о скифах воспринимались и воспринимаются до сих пор за исторический или этнографический факт, хотя на деле являются фактами *историографическими*.

Почти 40 лет назад Франсуа Артог написал любопытную книгу «Зеркало Геродота», в котором Скифия предстает чуть ли не как продукт чисто литературного творчества «отца истории» (Hartog

© А. П. МЕДВЕДЕВ, 2018

1980). Если принимать на веру подход французского историка, то даже вполне внятно описанные Геродотом скифские реалии являются не более чем репрезентацией «Другого»: то ли чисто литературной авторской фикцией, необходимой для обрамления основного сюжета «Истории» — борьбы эллинов с персами, — то ли смутными отголосками этнографической скифской действительности, которую, по мнению французского исследователя, невозможно верифицировать. Надо признать, что если исходить только из анализа текста «Истории» Геродота, то это заключение имеет право на существование. Но, ведь известно, что помимо него Скифию описывали и другие авторы, в том числе младший современник «отца истории», известный как Псевдо-Гиппократ (De aere: 20—30). Для нашей темы существенно то, что его скифы интересовали не как историка, а просто как медика.

Хорошо известно, что «отец истории» писал не научное сочинение в современном смысле этого слова. Он был сыном своего времени, носителем еще «донаучного» мировоззрения, которое во многом обуславливало иное отношение к историческим памятникам, историческим источникам, нежели у современных ученых. Зачастую сама по себе научная точность его мало занимала. Хрестоматийные примеры — его описания Вавилона (Hdt.: I, 178), или города Гелона в земле будинов (Hdt.: IV, 108), указание на их невероятные размеры (Медведев 2002а, с. 131—140). У «отца истории», как и у большинства его преемников, не было цели дать подробное, связанное изложение истории скифов. Поэтому античная литературная традиция, включая и «Историю» Геродота, содержит лишь *определенную* выборку информации о скифах, востребованную современниками-греками. К тому же, большая часть нарративной традиции о скифах оказалась утраченной или сохранилась фрагментарно. Например, нам доступны только жалкие отрывки сочинения Гелланика Митиленского «Скифика».

Одна этнографическая универсалия гласит: «Человек видим тогда, когда к его телу прилегают вещи» (Чеснов 1998, с. 192). В прошлом они выполняли не только чисто утилитарные функции, но и служили знаком человека, знаком его этнической принадлежности и социального статуса. А окружающий людей мир вещей составляет уже систему, в известной мере, подобную тексту и поэтому подлежащую более или менее однозначному прочтению всеми специалистами (Клейн 1991, с. 285). Правда, сейчас многие его страницы вырваны, строки стерты, а отдельные слова не понятны или даже не читаются. Тем не менее, сам набор артефактов в составе археологического комплекса, как правило, далеко не случаен, что наглядно подтверждает его многократная повторяемость, например, в качестве сопровождающего погребального инвентаря одной и той же археологической культуры. Как известно, со времени И. Канта именно повторяемость явлений считается одним из условий

познания научной истины. Независимая от исторического нарратива археология, опирающаяся на анализ массовых источников, вместе со смежными дисциплинами, служит своего рода зеркалом доистории и ранней истории.

По истории и культуре Скифии сейчас накоплен огромный фонд археологических источников — выборка только погребальных курганных комплексов по подсчетам разных ученых колеблется в пределах нескольких тысяч. Археологические материалы дают картину жизни скифов, в чем-то подтверждающую сообщения «Скифского логоса» Геродота, в чем-то весьма существенно ее корректирующую, а в чем-то ей противоречащую. Вещественные источники иногда позволяют проникнуть в такие сферы жизни скифов, которые совсем не нашли отражения в сочинениях античных авторов. Для нашей темы весьма существенно еще одно обстоятельство. К началу XXI в. информационный потенциал классических нарративов, например, о той же Скифии, во многом уже исчерпан, по крайней мере, для нынешнего поколения скифологов, тогда как фонд археологических источников пополняется ежегодно на десятки и сотни комплексов. А значит, неуклонно повышается плотность информационного поля скифской культуры.

Разумеется, в скифской археологии мы не найдем конкретных исторических персонажей, она оперирует датами-сроками, археологам почти недоступна скифская история на событийном уровне (исключения единичны). Более того, сами по себе археологические реконструкции часто выглядят весьма абстрактными, так как в известной мере являются результатом приложения к скифскому археологическому материалу подходов, понятий, концепций, заимствованных из этнологии, антропологии, культурологии и других социальных дисциплин.

Но в скифологии есть уникальная возможность взаимной перекрестной проверки (верификации) достоверности традиционных письменных свидетельств и ежегодно умножающихся данных археологии. Скифологам постоянно приходится заниматься вопросами согласования информации различных по своей природе источников. И здесь они сталкиваются с непростой проблемой: кому из специалистов верить в случае кардинального расхождения интерпретаций различных видов исторических источников.

Попытаюсь это продемонстрировать на хорошо известном примере из совсем недавней истории отечественной скифологии — дискуссии об археологических культурах исторических киммерийцев и ранних скифов. Как известно, еще три десятилетия назад большинство российских и украинских ученых принимали за весьма достоверный третий «исторический» рассказ Геродота о происхождении скифов и о вытеснении ими киммерийцев из Причерноморья. Он хорошо коррелировал с данными археологии — сменой на Юге Восточной Европы где-то около середины VII в. до н. э. (или

еще в первой половине этого века) позднейшей предскифской культуры типа Новочеркасскогоклада культурой раннескифской (Тереножкин 1976, с. 209, 215). С другой стороны, переданная Геродотом история появления скифов в Северном Причерноморье в результате вынужденной миграции «из Азии» из-за нападения воинственных соседних народов — массагетов (Hdt.: IV, 11), или со ссылкой на Аристия — исседонов (IV, 13), соответствовала закону «пульсации кочевой степи», в результате которого в Европе регулярно появлялись восточные по происхождению номады (Мачинский 1989, с. 21). И в том, и в другом случае киммерийцы оказывались коренными обитателями страны, жившими у южного (то есть Черного) моря (Доватур и др. 1982, с. 221), которую они вынуждены были покинуть под натиском скифов. Весомые аргументы этой гипотезе придавали определенные центрально-азиатские истоки ядра раннескифской культуры, ставшие очевидными к концу XX в. В результате многие археологи склонялись к миграционной гипотезе происхождения скифов и их культуры.

Однако с начала 1990-х гг. практически одновременно выходит в свет совместное исследование трех петербургских ученых А. Ю. Алексеева, Н. К. Качаловой, С. Р. Тохтасьева (1993), также статьи (1994), а затем солидные монографии А. И. Иванчика (1996, 2001, 2005), где предлагается опираться не на третий, «исторический» рассказ Геродота о происхождении скифов (IV, 11), жившего спустя пару веков после описываемых им событий, а на источники времени утверждения в Причерноморье скифской гегемонии (VIII—VII вв. до н. э.). На основании полного отсутствия каких-либо аутентичных свидетельств о киммерийцах в понтийском регионе названными исследователями сделан однозначный вывод о фиктивности их северопонтийской локализации, хотя им, конечно, известно, что античная традиция об этом регионе сложилась значительно позже (Грантовский и др. 1997, с. 71). По их мнению, киммерийцы «появились» здесь лишь в результате позднейшей рационалистической интерпретации мифического образа «людей киммерийских» в «Одиссее» Гомера¹. При этом для создания оригинальной гипотезы сделан ряд допущений и оговорок, которые не всегда находят достаточные основания в проанализированных ими источниках.

С. Р. Тохтасев полностью отвергает «киммерийскую» топонимию, использованная Геродотом для доказательства обитания этого народа в

Северном Причерноморье (Hdt.: 12), отвергается на том основании, что киммерийцы не дожили здесь до времени основания первых греческих апоекий. Для ее опровержения приводится внеисточниковая информация — известный обычай приписывать «не свои» сооружения другому легендарному народу вроде чуди (Тохтасев 1993, с. 33—35). Но, по большому счету, в такой народной топонимии всегда содержится и некое рациональное зерно, если не о народе — реальном создателе этих древних объектов, то о народе-предшественнике или народе-завоевателе: в «татарских», «калмыцких» и прочих могилах — некая память об обитавших (или воевавших) здесь некогда народах, в «турецких валах» на Перекопе и в Азове — память о турецких укреплениях, в «панских могилах» — о поляках Смутного времени, во «французских курганах» («могилах») — о вторжении Наполеона в Россию в 1812 г. и т. п. Такую память о народе-предшественнике русских сохраняют и «чудские» топонимы в северной части Европейской России: «чудские городки», «чудские могилы», служившие для обозначения «чужих», дорусских древностей. При этом в Новгородской земле такие топонимы изначально могли быть на самом деле исторически связаны с летописной чюдью, бывшей общим русским названием различных финно-угорских племен.

Взамен старой «автохтонной» гипотезы с историческими киммерийцами были увязаны открытые в 1980-е гг. в Восточной Анатолии погребения раннескифского облика в Имирлере, Норшунтепе и близ Амасьи, а также находки наконечников стрел раннескифских типов. При этом утверждалось, что на Ближнем Востоке не известны памятники или отдельные находки, имеющие аналогии в предскифских древностях на Юге Восточной Европы².

В результате такой операции киммерийцы VII в. до н. э. в Передней Азии стали носителями раннескифской культуры, а сотни памятников предскифского периода на Юге Восточной Европы в этническом плане оказались неопределенными — в какой-либо связи с историческими киммерийцами им было отказано. При этом авторы исходили из непреложного постулата, что скифы в клинописных и иных текстах ко времени совершения указанных погребений с раннескифским инвентарем к западу от Евфрата неизвестны, так как они занимали исключительно более восточные районы.

Однако само по себе отсутствие актуальных клинописных сообщений о скифах в Малой Азии еще отнюдь не свидетельствует о том, что таковых не могло быть в реальной истории, как и то, что скифские походы в этот регион начались не рань-

2. К концу XX в. появились археологические свидетельства походов носителей классического новочеркасского комплекса в Переднюю Азию в виде ряда заимствований в сфере военного дела, отложившихся в северокавказских древностях (Эрлих 2007, с. 190—191).

1. Напомню, что в древнейших греческих источниках киммерийцы в принципе не могли быть локализованы в Северном Причерноморье хотя бы потому, что греки не подозревали о существовании северного побережья этого моря, оно еще воспринималось ими как Океан (Иванчик, 2005, с. 67—107). Но и в этом случае само упоминание киммерийцев «у пределов глубокотекущего Океана» в «Одиссее» (XI, 14—15), кажется, дает основание к их поиску именно где-то на противоположном его побережье.

ше конца третьей четверти VII в. до н. э. Трудно поверить в то, что в течение почти полувека, с 70-х и до начала 20-х гг. VII в. до н. э. киммерийцы и враждебные им скифы тактично придерживались границ своих «доменов», при этом скифы не могли вторгнуться на территорию Восточной Анатолии, особенно если учесть исключительную их подвижность как воинственных гипшотоксотов. Здесь уместно вспомнить почти 35-летнюю лакуну в клинописных источниках о киммерийцах на Ближнем Востоке после первого их упоминания в письме Саргону II ок. 714 г. до н. э., которая вряд ли может рассматриваться как свидетельство их отсутствия (Грантовский и др. 1997, с. 77). С другой стороны, раннескифская культура келермесского этапа, элементы которой обнаружены в анатолийских погребениях, кажется, пока не обладает столь узкими хроноиндикаторами (об этом свидетельствуют материалы двух дискуссий в «Российской археологии» 1992—1994-х гг. и «Вестнике древней истории» в 1993—1999 гг.), чтобы полностью исключить возможность их датировки не только серединой VII в., а на четверть века позднее, когда скифы уже известны в Малой Азии.

На мой взгляд, в вышеописанном историографическом феномене мы наблюдаем в современной отечественной скифологии пример возврата, разумеется, на новом уровне к традициям западноевропейского гиперкритицизма второй половины XIX в., когда германские ученые на основании анализа *только литературной традиции* полностью исключали киммерийцев как реальный народ из истории Северного Причерноморья. Хорошо известен вердикт такого авторитетного антиковеда как Карл Мюлленгофф: «*Вне Малой Азии народ с этим именем исторически неизвестен нигде*» (Müllenhoff 1896, S. 20). Тот же вывод мы находим в статье о киммерийцах в энциклопедии Паули-Виссова (Lemman-Haupt 1921, coll. 397—434) и других ученых конца XIX в. — первой четверти XX в.

Но проведем своего рода научный эксперимент — примем за данность изложенное выше заключение А. Ю. Алексеева, Н. К. Качаловой, С. Р. Тохтасьева и А. И. Иванчика о фиктивности северопонтийской локализации киммерийцев в третьем геродотовом рассказе о происхождении скифов и попытаемся применить такой же критический подход к источникам о появлении в Причерноморье другого народа — скифов, опираясь только на античную литературную традицию¹. Поскольку все эти источники хорошо известны скифологам, ограничимся их перечислением с краткими комментариями.

Наиболее ранним свидетельством о скифах в Северном Причерноморье считается упоминание поэтом Алкеем (ок. 630—570 гг.) «*Ахилла — вла-*

дыки Скифской земли» (frg. 354 Lobel — Page = 14 Diehl). Обычно его датируют концом VII — первой третью VI в. до н. э. Мнения антиковедов в оценке достоверности этого уникального сообщения не единодушны. Если С. Р. Тохтасьев уверен, что свидетельство Алкея едва ли допускает какую-либо локализацию скифов кроме Северного Причерноморья (Тохтасьев 1993, с. 19), в этом с ним солидарен А. И. Иванчик (Иванчик 2005, с. 79—80), то И. В. Куклина полагает, что это свидетельство не может быть использовано для доказательства давнего обитания скифов в северопричерноморских степях (Куклина 1985, с. 58—59). Скифы в нем прямо не упоминаются, поэт называет лишь «Скифскую землю» — ὁ ἕως Σκυθίας. Это свидетельство сохранилось в рукописи поздней схолии, когда Скифия была страной, хорошо известной эллинам, и когда Ахилл давно слыл «Понтархом» — владыкой Северо-Западного Причерноморья. Его культ с VI в. до н. э. подтверждается многочисленными находками граффити (о. Левка, Березань, Ольвия, Бейкуш и др.).

Если принять новую датировку поэмы «Аримаспейя» Аристея из Проконнеса (Иванчик 1989, с. 29—49), по мнению ряда специалистов, далеко не бесспорную (Пьянков 2005, с. 15; Щеглов 2001, с. 30), то скифы могли стать персонажами этой, не дошедшей до нас поэмы не ранее времени его жизни, то есть от середины VI до начала V в. до н. э. К этому добавим, что в сохранившем у византийского эрудита Цецца фрагменте «Аримаспейи» (fr. 2—4), скифы не упоминаются, уцелели лишь строки, посвященные исседонам, «*гордящимся длинными волосами*» (Tzetz, Chil.: VII, 686 sq.). Их участие в аристеевой цепочке мигрирующих северных варваров лишь воссоздается по более поздней ссылке Геродота (Hdt.: IV, 13). Но, если принять геродотову дату жизни Аристея в пределах VII до н. э., в пользу которой недавно приведены новые аргументы (Мусбахова 2012, с. 27—28), то получается, что «отец истории» изложил содержание источника, близкого по времени великому переселению народов начала железного века, в результате которого скифы оказались в Европе и вытеснили оттуда киммерийцев.

В «Каталоге женщин», приписываемом Гесиоду, но явно более позднем², сохранился фрагмент, где впервые достоверно упоминается греческий этноним «скифы». Там перечисляется ряд мифических и реальных народов, живущих на краю ойкумены: «*И эфиопов, и ливийцев, и скифов (Σκυθαί), доителей кобылиц; [Скиф] (их) породил, сын мощнейшего Кронида*» (frg. 150 Merkelbach — West)³. Обосновав датировку гесиодического «Каталога», скорее всего, между 540 и 520 гг. до н. э., А. И. Иванчик допускает, что указанное свидетельство относится к скифам

1. В итоговой монографии А. Ю. Алексеев (2003, с. 63—65) признает важность геродотовой исторической версии для реконструкций ранней скифской истории.

2. В последней известной мне книге о северных народах в античной литературной традиции Свен Рауш без особых аргументов относит это сочинение к творчеству самого Гесиода, см.: Rausch 2013, S. 36.

3. Перевод А. И. Иванчика.

Северного Причерноморья на том основании, что греки к этому времени имели достаточно интенсивные контакты с ними в этом регионе уже около ста лет (Иванчик 2005, с. 27). Может быть это и так. Но это допущение никак не проистекает из анализа самого литературного свидетельства, а является результатом использования сведений других источников, прежде всего, археологических о греческой колонизации Северного Причерноморья, то есть является продуктом «смешанной аргументации». В самом же гесиодическом трактате нет никаких конкретных географических привязок, указывающих на то, что скифы живут именно в Северном Причерноморье, где греки к тому времени уже основали свои апоикии. Скифы упоминаются лишь среди народов, обитавших по краям ойкумены, но где именно — установить на основании анализа этого фрагмента невозможно, с чем в другом месте согласен и А. И. Иванчик (2005, с. 81).

Если мы обратимся к такому весьма информативному источнику, как «Землеписание» Гекатея Милетского, то здесь нас ждет разочарование. Его отрывки сохранил лексикограф Стефан Византийский в этногеографическом словаре «Этника». В дошедших до нас фрагментах Гекатея один раз упоминается Скифия как страна: «*Кардесс — город Скифии*» (F. Gr. Hist. ¹, frg. 188). Но что это за Скифия, в которой расположен никому из древних авторов больше неизвестный город Кардесс, из этого свидетельства не ясно. У современных исследователей нет уверенности, что фрагменты Гекатея, сохраненные спустя тысячу лет Стефаном Византийским, не содержат анахронизмов (Кулландта 2016, с. 30).

Для нашей темы существеннее другое. Как это ни покажется странным, в «Землеписании» Гекатея мы не найдем ни одного прямого упоминания *собственно скифов* в Северном Причерноморье. В сохранившихся фрагментах описания Европы есть только племена, которые иногда сопровождаются пояснением ἔθνος Σκυθικόν. Но, как известно, точно такие же пояснения сопровождают здесь названия не этнического, а географического характера, например, «*Каркинитис — город скифский*» (frg. 184). Для нашей темы весьма показательны, что спустя полвека, Геродот перечисленные Гекатеем народы — меланхленов (frg. 185) и исседонов (frg. 193) — не причислял к скифам! Более того, где можно, «отец истории» всегда подчеркивал их особость (Hdt.: IV, 20). Итак, у Гекатея мы встречаем имена народов, позднее в той или иной степени связанных со скифами. Однако в дошедших до нас отрывках из его «Землеписания» нет упоминания *скифов* как таковых.

Впервые скифы как вполне конкретный этнос надежно локализируются в Северо-Восточном Причерноморье лишь у Эсхила в трагедии «Прометей

Прикованный», написанной около сер. V в. до н. э. им самим или драматургом его круга. Не смотря на удивительную путаницу его географических предствлений (Мусбахова, 2015, с. 68—69), в этой трагедии прямо упоминаются «...скифские кочевья, На далеком краю Земли, возле вод Меотийских» (Aesch., Prometh. vinct.: 415—419). А вскоре появляется знаменитый «Скифский логос» Геродота, согласно которому скифы прочно занимают причерноморские степи от Истра-Дуная до Танаиса-Дона (Herod.: IV, 47).

Таким образом, если также строго критически придерживаться методики анализа дошедших до нас ранних античных литературных источников о скифах с точки зрения их аутентичности, хронологии и надежности, как это недавно проделано с эллинской традицией о киммерийцах («ни один заслуживающий внимания античный источник не говорит о киммерийцах на севере Понта в историческое время» (Тохтасьев 1993, с. 18), то следует сделать неутешительный вывод, что не только киммерийцы, но и собственно скифы ранее середины V в. до н. э. в Северном Причерноморье греческими авторам не упоминаются (упоминается лишь Скифия). Поэтому, строго говоря, нет надежных нарративов, чтобы отождествлять носителей раннескифского комплекса с собственно скифами в до- и послепоходное время, так как в эпоху архаики мы практически не находим аутентичных свидетельств знакомства греков со скифами VII—VI вв. до н. э. на Юге Восточной Европы. Этот вывод не оригинален, к нему и ранее приходили некоторые исследователи античной литературной традиции, в частности, И. В. Куклина. Проведенный ею анализ ранних известий о скифах и киммерийцах не дал оснований судить о давности их обитания в северопричерноморских степях (Куклина 1985, с. 63). В тоже время для археологов такое заключение выглядит более чем абсурдно на фоне многочисленных памятников раннескифской культуры на Северном Кавказе и в Восточноевропейской Лесостепи, включавшей некое ядро инноваций центральноазиатского происхождения, а также ближневосточные «импорты», захваченные номадами во время переднеазиатских походов VII в. до н. э.

Что стоит за этим «молчанием» древнейших античных источников о скифах VII—VI вв. до н. э. — реальное их отсутствие в Степном Причерноморье до конца архаической эпохи, или же неполнота и фрагментарность дошедших до нас источников, — однозначно сказать трудно. В пользу первого предположения как будто бы свидетельствуют и данные археологии — в Степной Скифии практически нет памятников скифской архаики VII—VI вв. до н. э., за исключением пограничных районов (Северный Кавказ, Украинская Лесостепь, Нижний Дон, Крым). Это хорошо видно на карте, составленной в свое время В. Ю. Мурзиным (Мурзин, 1990, рис. 1), если с нее убрать курганы конца VI — начала V в. до н. э. Для этого времени в археологии Северного Причерноморья

1. F. Gr. Hist. — Jacoby, F. Die Fragmente der griechischen Historiker.

мы по существу имеем дело со «Скифией без скифов», точнее с практически полным отсутствием их археологических следов в сердцевине будущей Геродотовой Скифии. Косвенно это подтверждают весьма распространенные у эллинов представления о причерноморском регионе как изначально пустынной, ненаселенной людьми стране (Aesch., Prometh. vinct.: 1—2; Hdt.: IV, 5. 8; Ps.-Hupp., De aere.: 25) или земле, опустевшей после бегства киммерийцев (Hdt.: IV, 11). Только к середине V в. до н. э. сведения о скифах Причерноморье в греческой литературной традиции начинают приобретать большую этнографическую и историческую конкретность. У Эсхила, Геродота и Псевдо-Гиппократов «Скифская пустыня» уже заселена скифами, их уклад жизни и обычаи подробно описали эти и другие авторы.

Но значит ли вышесказанное, что скифов как реального народа до времени Геродота в Северном Причерноморье вообще не было, поскольку о них нет надежных свидетельств в более ранних источниках. Разумеется, нет. Тот же Геродот описывает вторжение скифов в восточноевропейские степи, их победу над киммерийцами, возвращение скифов из переднеазиатских походов и борьбу с потомством «слепых рабов», подробно рассказывает о войне персидского царя Дария против скифов, побудившей Галикарнасса к написанию «Скифского логоса». Вряд ли кто согласится признать эту информацию, восходящую к различным источникам, плодом его искусственных конструкций (или предшествующей «ионийской традиции»), тем более, что пребывание скифов в Передней Азии многократно зафиксировано в клинописных текстах и других восточных источниках, а война скифов с сыновьями «слепых рабов» — в греко-скифской тореветике IV в. до н. э. (Передериева Могила на Донеччине, курган 2013 г. на Ставрополье и др.). Геродот упоминает некоторые важные события из прошлого нескифских народов: об основании города Гелона (Hdt.: IV, 108), переселении невра, которые по его рассказу за одно поколение до похода Дария покинули свою страну и обосновались в земле будинов (IV, 105), происхождении савроматов от амазонок и юношей из племени свободных скифов (IV, 110—116) и др. Со слов ольвийского информатора Тимна, Геродот приводит генеалогию скифских царей (IV, 76). Он знает имя скифского царя Прототия, возглавившего скифское войско во время переднеазиатского похода (I, 103), он надежно идентифицируется с царем Паргатуа ассирийских клинописных текстов. В тоже время, нет сомнения, что многие важные события скифского прошлого не нашли отражения ни в греческой исторической памяти, ни в скифской эпической традиции (Раевский 1985, с. 53—76). В силу каких-то причин, они не заинтересовали Геродота и других греческих авторов или были утрачены.

Данные археологии во многом компенсируют дефицит нарративных источников о скифах. Они могут быть подчас даже более информативными в этом отношении, чем имеющиеся письменные

свидетельства (Погребова, Раевский 1992, с. 182). Массовые археологические источники однозначно свидетельствуют о смене археологических культур на Юге Восточной Европы не позже первой половины VII в. до н. э., об исчезновении своеобразной предскифской культуры типа Новочеркасского клада, носителем которой мог быть народ, обитавший здесь до скифов согласно третьему геродотову рассказу — киммерийцы. Именно с этого времени на Северном Кавказе и в Украинской Лесостепи распространяются характерные элементы новой археологической культуры (РСК), которую ретроспективно не с кем связать кроме как со скифами, в том числе их своего рода визитная карточка — искусство звериного стиля, не имеющее местных причерноморских корней. Именно археологические источники вполне определенно ставят точку над *i* в вопросе о времени появления первых скифов на Юге Восточной Европы. Более того, независимо от литературной традиции, они в целом подтверждают достоверность третьего рассказа Геродота о смене этносов в Северном Причерноморье в результате прихода скифов «из Азии» и изгнании ими киммерийцев (носителей культуры новочеркасского типа).

Как известно, новая исследовательская парадигма имеет право на существование тогда, когда она увязывает в единое непротиворечивое целое все известные факты, а главное — по своим эвристическим возможностям превосходит старую. В этом смысле подход к киммерийской проблеме, предложенный А. Ю. Алексеевым, С. Р. Тохтасьевым, А. И. Иванчиком, оставляет больше вопросов, чем дает ответов, а главное — он отодвигает на неопределенное время решение вопроса об этносе доскифского населения Северного Причерноморья. На мой взгляд, как раз «старая гипотеза» появления скифов в Причерноморье и смены позднейшей предскифской культуры раннескифской, связывала в более непротиворечивую концепцию практически все известные литературные и археологические свидетельства. Поэтому здесь уместно вспомнить знаменитое правило «бритвы Оккама», предостерегающее исследователей от умножения числа сущностей без надобности. Тогда не придется одевать на киммерийцев ту же «археологическую» маску носителей РСК, что и скифам.

Я убежден, что для преодоления кризисных явлений современной скифологии многое может дать последовательное сопоставление «мира текстов» и «мира вещей». И здесь мы иногда сталкиваемся с удивительным феноменом: *сопоставление данных нарративных и вещественных источников позволяет получить принципиально новое знание, которое невозможно было бы извлечь из тех же источников при самом углубленном их анализе порознь*. Таков результат правильно проведенных междисциплинарных исследований (Haidle 1998, S. 11—12). Ведь «никакое создание культуры и искусства не исчерпывается содержанием, вложенным в него автором, в нем обнаруживается гораздо больше,

чем мы думали и знали» (Кнабе 2006, с. 154). В самой возможности сопоставления многочисленных, но многозначных данных археологии, имеющих надежную пространственно-временную привязку, и результатов анализа нарративной традиции, несущей некоторую историческую информацию, но зачастую менее определенную в географическом и хронологическом отношении, я вижу перспективу придать нашим реконструкциям историческую конкретность.

Именно такой эффект в свое время дал подход к киммерийской проблеме, обоснованный А. И. Тереножкиным¹, но этого, как представляется, не получилось у авторов «новой» переднеазиатской гипотезы, не смотря на их высочайший профессионализм как историков и археологов. На рубеже веков смены научных парадигм в скифологии не произошло. Судя по рецензиям и публикациям, за прошедшую четверть века «новая» гипотеза не получила поддержки со стороны ведущих российских и украинских исследователей предскифских и раннескифских древностей². Тем не менее, ее постановка заставила не только авторов, но и критиков вновь обратиться к литературным и археологическим источникам по киммерийско-скифской проблематике и выявить слабые стороны, казалось бы, устоявшихся представлений об историко-культурных процессах на Юге Восточной Европы в начале железного века.

1. Он оказался наиболее продуктивным — за последнюю четверть века увидели свет новые фундаментальные исследования по киммерийско-скифской тематике Украинской Лесостепи (Скорый 1997), Причерноморью (Махортых 2010), Северо-Западному Кавказу (Эрлих 2007), снаряжению коня (Вальчак 2009) и др.
2. Об этом свидетельствует и статья А. И. Иванчика, которая должна была подвести итоги дискуссии, но фактически свелась к продолжению дискуссии с оппонентами (Иванчик 1999).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеев, А. Ю., Качалова, Н. К., Тохтасьев, С. Р. 1993. *Киммерийцы: этнокультурная принадлежность*. Санкт-Петербург: Ермаков.

Вальчак, С. Б. 2009. *Конское снаряжение в первой трети I тыс. до н. э. на юге Восточной Европы*. Москва: Таус.

Доватур, А. И., Каллистов, Д. П., Шишова, И. А. 1982. *Народы нашей страны в «Истории» Геродота*. Москва: Наука.

Иванчик, А. И. 1989. О датировке поэмы «Аримаспей» Аристея Проконнесского. *Вестник древней истории*, 2, с. 29-49.

Иванчик, А. И. 1994. К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуре киммерийцев. 1: Киммерийские памятники в Передней Азии. *Вестник древней истории*, 3, с. 148-167.

Иванчик, А. И. 1999. Современное состояние скифской проблемы. Итоги дискуссии. *Вестник древней истории*, 2, с. 77-97.

Иванчик, А. И. 2001. *Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени*. Москва: Палеограф.

Иванчик, А. И. 2005. *Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII—VII вв. до н. э. в античной литературной традиции. Фольклор, литература и история*. Москва, Берлин: Палеограф.

Клейн, Л. С. 1991. *Археологическая типология*. Ленинград: АН СССР.

Кнабе, Г. 2006. *Избранные труды: теория и история культуры*. Москва: Росспэн.

Куклина, И. В. 1985. *Этногеография Скифии по античным источникам*. Ленинград: Наука.

Кулланда, С. В. 2016. *Скифы: язык и этногенез*. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2016.

Маслов, В. Е. 2016. Раннескифская история и Геродот. В: Балахванцев, А. С., Кулланда, С. В. (ред.). *Кавказ и степь на рубеже поздней бронзы и раннего железа: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти М. Н. Погребовой*. Москва: Институт востоковедения РАН, с. 162-170.

Махортых, С. В. 2005. *Киммерийцы Северного Причерноморья*. Киев: Шлях.

Мачинский, Д. А. 1989. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья. В: Раев, Б. А. (ред.). *Кочевники евразийских степей и античный мир*. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, с. 7-30.

Медведев, А. П. 2002. Античная традиция и археологические реалии скифского времени на Среднем и Верхнем Дону: проблемы этнокультурной интерпретации. *Вестник древней истории*, 3, с. 154-167.

Медведев, А. П. 2002а. Гелон Геродота: к проблеме соотношения античного нарратива и историко-археологических реалий. *Античный мир и археология*, 11, с. 131-140.

Мусбахова, В. Т. 2015. Образ Скифии в трилогии о Прометее. Истоки и влияние. В: Джаксон, Т. Н., Коновалова, И. Г., Подосинов, А. В. (ред.). *Скифия: Образ и историко-культурное наследие. Материалы конференции*. Москва: Институт всеобщей истории РАН, с. 68-72.

Мусбахова, В. Т. 2012. К вопросу о достоверности свидетельства Геродота о времени жизни Аристея из Проконнеса и времени создания «Аримаспей». *Аристей: Вестник классической филологии и античной истории*, 5, с. 21-52.

Пьянков, И. В. 2005. Аристей: путешествие к исследованию. *Исседон: альманах по древней истории и культуре*, 3, с. 15-35.

Раевский, Д. С. 1985. *Модель мира скифской культуры*. Москва: Наука.

Скорый, С. А. 1999. *Киммерийцы в Украинской Лесостепи*. Киев, Полтава: Археологія.

Тереножкин, А. И. 1976. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка.

Тохтасьев, С. Р. 1993. Античная литературная традиция о киммерийцах. В: Алексеев, А. Ю., Качалова, Н. К., Тохтасьев, С. Р. *Киммерийцы: этнокультурная принадлежность*. Санкт-Петербург: Ермаков, с. 9-50.

Чеснов, Я. В. 1998. *Лекции по исторической этнологии*. Москва: Гардарика.

Щеглов, Д. А. 2010. Аристей из Проконнеса: факты и интерпретации. *Аристей: Вестник классической филологии и античной истории*, 1, с. 9-34.

Эрлих, В. Р. 2007. *Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников*. Москва: Наука.

Haidle, M. N. 1998. Interdisziplinarität in der Archäologie: eine Notwendigkeit? *Archäologische Informationen*, 21, 1, S. 9-20.

Hartog, F. 1980. *Le miroir d'Hérodote. Essai sur la représentation de l'autre*. Paris: Gallimard.

Lemman-Haupt, C. F. 1921. *Kimmerier. Pauli's-Wis-sowa Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, XI, 1, coll. 397-434.

Müllenhoff, K. 1896. *Deutsche Altertumskunde*. III². Berlin: Weidmannische Buchhandlung.

Rausch, S. 2013. *Bilder des Nordes. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellenismus*. Berlin: Philipp von Zabern.

REFERENCES

Alekseev, A. Yu. 2003. *Hronografiya Evropejskoj Skifii*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Alekseev, A. Yu., Kachalova, N. K. Tohtas'ev, S. R. 1993. *Kimmerijcy: ehtnokul'turnaya prinadlezhnost'*. Sankt-Peterburg: Ermakov.

Val'chak, S. B. 2009. *Konskoe snaryazhenie v pervoj treti I tys. do n. e. na yuge Vostochnoj Evropy*. Moskva: Taus.

Dovatur, A. I., Kallistov, D. P. Shishova, I. A. 1982. *Narody nashej strany v «Istorii» Gerodota*. Moskva: Nauka.

Ivanchik, A. I. 1989. O datirovke poemy «Arimaspeya» Aristeya Prokonnesskogo. *Vestnik drevnej istorii*, 2, s. 29-49.

Ivanchik, A. I. 1994. K voprosu ob ehtnicheskoj prinadlezhnosti i arheologicheskoy kul'ture kimmerijcev. 1: Kimmerijskie pamyatniki v Perednej Azii. *Vestnik drevnej istorii*, 3, s. 148-167.

Ivanchik, A. I. 1999. Sovremennoe sostoyanie skifskoj problemy. Itogi diskussii. *Vestnik drevnej istorii*, 2, s. 77-97.

Ivanchik, A. I. 2001. *Kimmerijcy i skify. Kul'turno-istoricheskie i hronologicheskie problemy arheologii vostochno-evropejskih stepej i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni*. Moskva: Paleograf.

Ivanchik, A. I. 2005. *Nakanune kolonizacii. Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII—VII vv. do n. e. v antichnoj literaturnoj tradicii. Fol'klor, literatura i istoriya*. Moskva, Berlin: Paleograf.

Klejn, L. S. 1991. *Arheologicheskaya tipologiya*. Leningrad: AN SSSR.

Knabe, G. 2006. *Izbrannye trudy: teoriya i istoriya kul'tury*. Moskva: Rosspehn.

Kuklina, I. V. 1985. *Ehtnogeografiya Skifii po antichnym istochnikam*. Leningrad: Nauka.

Kullanda, S. V. 2016. *Skify: yazyk i ehtnogenez*. Moskva: Universitet Dmitriya Pozharskogo.

Maslov, V. E. 2016. Ranneskifskaya istoriya i Gerodot. In: Balakhvantsev, A. S., Kullanda, S. V. (ed.). *Kavkaz i step' na rubezhe pozdnej bronzy i rannego zheleza: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati M. N. Pogrebovoj*. Moskva: Institut vostoковedeniya RAN, s. 162-170.

Mahortyh, S. V. 2005. *Kimmerijcy Severnogo Prichernomor'ya*. Kiev: Shlyah.

Machinskij, D. A. 1989. Bospor Kimmerijskij i Tanais v istorii Skifii i Sredizemnomor'ya. In: Raev, B. A. (ed.). *Kochevniki evrazijskih stepej i antichnyj mir*. Novocherkassk: Muzej istorii donskogo kazachestva, s. 7-30.

Medvedev, A. P. 2002. Antichnaya tradiciya i arheologicheskie realii skifskogo vremeni na Srednem i Verhnem Donu: problemy ehtnokul'turnoj interpretacii. *Vestnik drevnej istorii*, 3, s. 154-167.

Medvedev, A. P. 2002a. Gelon Gerodota: k probleme sootnosheniya antichnogo narrativy i istoriko-arheologicheskikh realij. *Antichnyj mir i arheologiya*, 11, s. 131-140.

Musbahova, V. T. 2015. Obraz Skifii v trilogii o Prometeje. Istoki i vliyanie. In: Jaxon, T. N., Konovalova, I. G., Podisnov, A. V. (ed.). *Skifiya: Obraz i istoriko-kul'turnoe nasledie. Materialy konferencii*. Moskva: Institut vseobshchej istorii RAN, s. 68-72.

Musbahova, V. T. 2012. K voprosu o dostovernosti svidetel'stva Gerodota o vremeni zhizni Aristeya iz Prokonnesa i vremeni sozdaniya «Arimaspei». *Aristej: Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoj istorii*, 5, s. 21-52.

P'yankov, I. V. 2005. Aristej: puteshestvie k issedonam. *Issedon: al'manah po drevnej istorii i kul'ture*, 3, s. 15-35.

Raevskij, D. S. 1985. *Model' mira skifskoj kul'tury*. Moskva: Nauka.

Skoryj, S. A. 1999. *Kimmerijcy v Ukrainskoj Lesostepi*. Kiev, Poltava: Arheologiya.

Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmerijcy*. Kiev: Naukova dumka.
Tohtas'ev, S. R. 1993. Antichnaya literaturnaya tradiciya o kimmerijcah. In: Alekseev, A. Yu., Kachalova, N. K. Tohtas'ev, S. R. *Kimmerijcy: ehtnokul'turnaya prinadlezhnost'*. Sankt-Peterburg: Ermakov, s. 9-50.

Chesnov, Ya. V. 1998. *Lekcii po istoricheskoy ehtnologii*. Moskva: Gardarika.

Shcheglov, D. A. 2010. Aristej iz Prokonnesa: fakty i interpretacii. *Aristej: Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoj istorii*, 1, s. 9-34.

Ehrlih, V. R. 2007. *Severo-Zapadnyj Kavkaz v nachale zheleznoogo veka: protomeotskaya gruppa pamyatnikov*. Moskva: Nauka.

Haidle, M. N. 1998. Interdisziplinarität in der Archäologie: eine Notwendigkeit? *Archäologische Informationen*, 21, 1, S. 9-20.

Hartog, F. 1980. *Le miroir d'Hérodote. Essai sur la représentation de l'autre*. Paris: Gallimard.

Lemman-Haupt, C. F. 1921. Kimmerier. *Pauli's-Wissowa Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, XI, 1, coll. 397-434.

Müllenhoff, K. 1896. *Deutsche Altertumskunde*. III. Berlin: Weidmannische Buchhandlung.

Rausch, S. 2013. *Bilder des Nordes. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellenismus*. Berlin: Verlag Philipp von Zabern.

A. P. Medvedev

ON SOME PROBLEMS CONNECTED WITH SOURCES ON THE BEGINNINGS OF THE SCYTHIAN HISTORY

The subject of this article is the problem of correlation and verification of ancient literary sources and archaeological evidence with a view to reconstruct the history and culture of the early Scythians. The author analyzes the current state of affairs in cultural identification of the Cimmerians and the Scythians in Russian archaeological and historical science and shows drawbacks of the hypercritical approach to ancient literary sources on the basis of the early Greek tradition on the Cimmerians and the Scythians in the Northern Black Sea region. If we use the methods that have been recently used to analyze the Greek tradition on the Cimmerians, we will have to make a disappointing conclusion that not only the Cimmerians but also the Scythians in the Northern Black Sea region are virtually not mentioned for a period before the middle of the 5th century BC. The archaeological evidence can largely make up for the shortage of narrative sources on the Scythians. The author makes a conclusion that the «old» hypothesis about the arrival of the Scythians in the Black Sea region (based on the third Herodotus' story) and replacement of the late pre-Scythian culture by the early Scythian one combines almost all known literary and archaeological evidence into a more consistent theory than the «new» approach offered in the 1990^s and stating that the Cimmerians were bearers of the Early Scythian culture known only to the west of the Euphrates.

Keywords: Northern Black Sea region, Cimmerians, Scythians, early Scythian history, ancient literary tradition, Herodotus.

Одержано 2.02.2018

МЕДВЕДЕВ Олександр Павлович, доктор історичних наук, завідувач кафедри археології та історії давнього світу, Воронежський державний університет, Московський проспект, 88, Воронеж, 394052, Росія, APM1950@yandex.ru.

MEDVEDEV Aleksandr P., Doctor of Historical Sciences, Head of the Archaeology and Ancient History Department, Voronezh State University, Moskovskij prospect 88, Voronezh, 394052, Russian Federation, APM1950@yandex.ru.